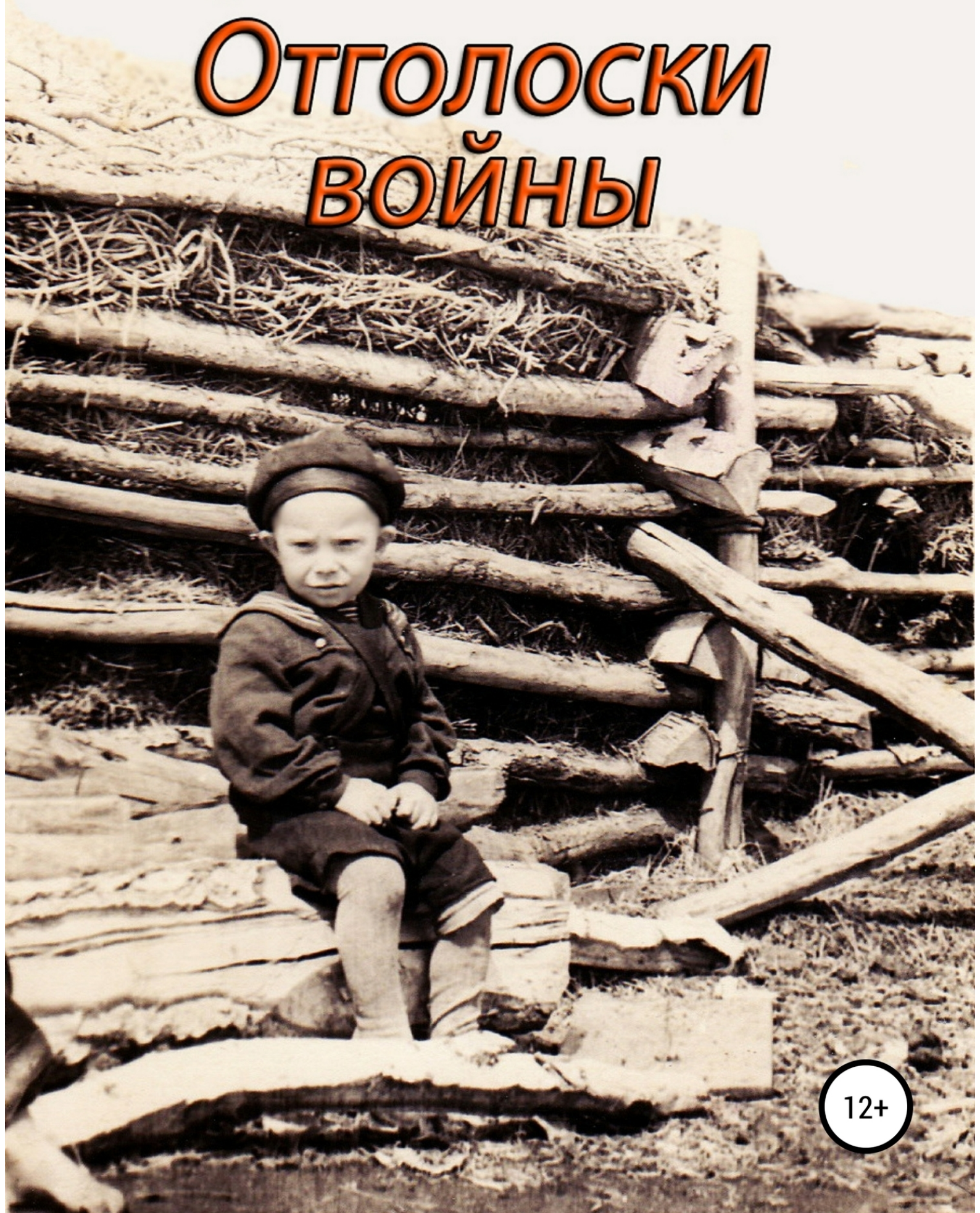

Александр Бабин

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

12+

Александр Бабин
Отголоски войны

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Александр Бабин

Отголоски войны / Александр Бабин — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Рассказ о тех временах, когда органы власти выселяли из крупных городов инвалидов Великой Отечественной войны по деревням. По их мнению, своим неприглядным видом они мешали им жить. Неслучайно алтарный крест в местной церкви провалился под землю и по сей день еще не вернулся. Мироздание не терпит фальши... Глазами деревенского мальчишки вы окунетесь в мир добра, где люди жили просто, но счастливо, чего в сегодняшнее время всем так не хватает. У автора рассказа на сайте ЛитРес имеются и другие произведения: современный роман «Разведка и волчье золото», историческая фантастика «Кто хозяин России», приключенческий роман с детективной историей «Икона из скита», криминальный детектив «Тихушник», деревенская проза «Счастье быть русским», сборник рассказов «Юмористические рассказы... и не только»...

© Александр Бабин, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Отголоски войны.

Старый газон мчался по улице, оставляя после себя клубы дорожной пыли. Сельчане, подгоняя коров, вели их в табун, сторонясь автомобиля. Шофер, молодой парень, высунув голову из окна кабины, им мило улыбался, сигналил, объезжая перебегающим дорогу животным.

– Отец, ты бы поговорил с управляющим. На него, что управы нет, каждое утро дудит, ребятишкам поспать не дает.

Услышал я сквозь сон голос бабушки, открыл глаза и посмотрел на часы – ходики они показывали пол пятого. А дед, стоял перед иконами шептал молитву, крестясь, делая поклоны. Закончив молитву, подошел к часам подтянул у них цепочку, сел на лавку и посмотрел в окно.

– Язви его и вправду, куда он гонит всех доярок в кузове растрясет ишь как напылил. Ну что там мать у тебя?

– Каша пшенная, – ответила ему бабушка, копошившись у печи.

– Опять эта каша? Хоть бы блины спекла?

– Я когда их печь то буду, лошадь у ворот. Видишь ли, блинов ему захотелось, не барин каши поешь. Вчера сам говорил, сегодня поедет в лес. Не брал бы лошадь, блинов напекла.

– Ладно, что уж поем каши, – насупился дед.

– И ты давай внучок поторапливайся, проснулся, ну и, слава Богу, умывайся и к столу, – сказала мне бабушка, увидев, что я уже смотрел на них лежа на печи.

– Бабушка, может, я еще поплю, рано еще?

– За чашей надо в лес съездить, отец лошадь взял, тебя одного не с кем оставить. К обеду управимся. Завтра выплещься, – и посмотрела в окно. – Быстро светает, а я хотела еще в огороде управиться. Ты бы отец сходил в огурешник полил огурцы и капусту за одним, пока каша варится. Махорку свою потом покуришь.

– Ничего-о! Не засохнут твои огурцы до вечера подюжат, а вот махорка ждать не может, – дед встал, достал с полатей небольшой деревянный ящик и открыл у него крышку. Вынул кисет, оторвал от газеты листок, аккуратно свернул его в трубочку, набил махоркой, полюбил и сделал козью ножку. Подошел к печи, клюкой вытащил уголь и от него прикурил.

– Подюжат, сам то, без сигарки и часок не можешь потерпеть. Сейчас только что с канюховки, не мог по дороге покурить? Ты хоть к печурке сядь и вьюшку открой, надымил то, не продышать. И когда ты накуришься, седьмой десяток пошел? – возмущалась бабушка недовольная курением деда.

Смотря на них, я эту сцену с запрещением курить деду в избе наблюдаю каждое утро гостя у них уже как две недели.

– На небе накурюсь, там никто не ворчит. Бог нас куряк любит. Вот помру обязательно со мной табаку положи, да не жалеи и газет побольше, а то пока до Бога дойду времени много пройдет, а где его там возьмешь. Табаку и на земле не хватает. Взять наш ларек и то его по спискам дают, никак папиросы городские по себе разбирают. Бог попросит закурить, а у меня и угостить его нечем. Мы бы с ним покурили! Так, что и папиросы положи.

– Еще скажи спички положить. Бог курит! И как у тебя грешника язык то поворачивается такое говорить. Папиросы? Тебе что табаку мало, половина огурешника им засеяно, ты, что собрался его продавать?

– Продавать, не продавать, а запас иметь надо. Ты вспомни войну, сама говорила, до Кургана на своем горбу мешки носила, аж шестьдесят верст. Вот и сею, вдруг война начнется?! А как я без табаку то, без него не прожить.

– Ты еще колоски вспомни. (За кражу колосков с колхозных полей в период войны, сажали в тюрьму). В войну голод был, вы мужики на войну ушли, а нам бабам пришлось на своем горбу все таскать, ребятишек кормить надо было. Да-а! Потаскала я этот табак! – сказала

бабушка и как – то тяжело вздохнула. – Вот недавно перед Троицей как избу побелила, а ты опять всю ее прокурил. Говорю тебе, говорю, не кури ты в избе, как об стенку горох, хоть бы в сенцы вышел от твоего дыма дышать нет мочи. Ребенка бы пожалел.

– А мне дым нравится, – вмешался я в разговор.

– Мне еще и тебя куряки не хватало. Гляди узнаю, что куришь, расскажу отцу, он тебе быстро штаны спустит. Давай умывайся и тоже к столу.

– Дед дай подымлю, – попросил я деда покурить, спускаясь по ступенькам печи.

– На внучок покури, здоровым будешь!

– Вот ты что говоришь? Ты это специально? – все возмущалась бабушка.

– А что? Пусть покурит он уже большой скоро в школу пойдет. Ты внучок только сильней вдохни, – и протянул мне козыю ножку.

Я выдохнул воздух, взял в рот сигарку и вдохнул в себя. Горький теплый дым окутал горло. Как резко потемнело в глазах, перехватив дыхание, что стал задыхаться, обхватив руками горло, и тут же закашлял.

– Еще хочешь покурить, накурился, – сказал дед, улыбаясь. – Вот видишь, как курить неприятно, а я вот столь лет мучаюсь, никак бросить не могу эту гадость. Ну, что будешь еще курить?

– Нет, кх-кх, никогда не буду кх-кх, – ответил ему, задыхаясь от дыма, окутав мое горло.

– Кашлей сильней, ну что же ты?! Видишь мать, внучок накурился, говорит, не будет, а ты не давай, надо дать, мне тятя (старинное русское название отца) вот также дал покурить. Так я аж в двадцать пять лет первую сигарку закурил, при отце стеснялся курить, да и он запрещал, тогда строго было. Пока не разрешил и то при посторонних запрещал – стыдился. А ноне только от соски оторвали, а он уже курит. Запрещать это не выход, эта нынешняя школа ребятишек портит, раньше нас не так учили, ставя коленями на горох, до мозгов быстро доходило. При церкви обучались, дураками никто не вырос.

– Ты посмотри что натворил, ребенок закашлялся, не слушай его внучок не надо курить, попей парного молока, – и предложила мне крынку с молоком, я немного отпил, стало легче.

– Спасибо очень вкусное молоко в городе не такое, – и пошел умываться.

– Гляди-ка опять твой друг идет, еще один куряка, – сказала бабушка, посмотрев в окно. – Ни свет, ни заря, а он уже тут как тут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.